

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ

Долин Вячеслав Александрович,

кандидат философских наук,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,

Россия, 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71

ORCID: 0000-0001-7106-0623

v.a.dolin@mail.ru

Аннотация

Предметом статьи является проблема онтологической границы религиозного экстремизма как социально-культурного феномена. Методологической основой исследования выступает неклассическая языковая семантика Фреге – Рассела. В ее рамках для предмета мысли выделяются значение, смысл и знак. Эта методология дополняет деятельностный подход, преобладающий в изучении религиозного экстремизма. Подобная методологическая односторонность создает иллюзию схоластического характера исследуемой проблемы, когда научным результатом ожидаемо становится комментирование, уточнение и систематизация известного знания о религиозном экстремизме. В результате религиозный экстремизм рассматривается метафизически, как неизменный феномен, не имеющий пространственных и временных границ. Исследование проведено в два этапа. На первом выделены сущностные признаки религиозного экстремизма. Традиционная триада признаков «субъекты – сфера активности – способы реализации» дополнена четвертым – целью активности. На основании проведенного анализа религиозный экстремизм определяется как крайние действия религиозных элементов в политической жизни общества, нацеленные против структурных элементов и идеологии секулярного общества. В статье отвергаются положения о некритичном отождествлении с религиозным экстремизмом следующих общественных явлений: нарушение национального законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях; религиозный фанатизм; религиозное сектанство; национализм. На втором этапе исследования осмыслены пространственные и временные границы религиозного экстремизма. В пространственном отношении религиозный экстремизм типичен как для постиндустриальных, так и для традиционных обществ второй половины XX – начала XXI века. В статье выдвинуты историко-религиозный и целевой аргументы против тезиса о вневременном характере существования религиозного экстремизма.

На основании факта формирования секулярного общества на экономическом базисе индустриального общества со второй половины XIX века выделено четыре фактора возникновения религиозного экстремизма: секуляризация общественного сознания, десакрализация власти, инверсия насилия, ограниченная поддержка. В результате проведенного исследования преодолено метафизическое рассмотрение религиозного экстремизма как неизменного феномена и осуществлено углубление его концептуального понимания.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, онтологическая граница, «религиозный ренессанс», «постсекулярное состояние общества», десекуляризация, неклассическая языковая семантика, значение, смысл, знак.

Библиографическое описание для цитирования:

Долин В.А. Религиозный экстремизм как социально-культурный феномен: проблема онтологической границы // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 2. – С. 395–410. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-395-410.

С середины 1970-х годов в секуляризованном обществе начинается подъем религиозного фундаментализма. «Религиозный ренессанс» характерен для ислама (революция 1979 года в Иране), католицизма (Южная Америка), протестантизма (экспансия пятидесятничества в Африке), православия (массовое воцерковление в СССР с 1980-х годов) и иудаизма (увеличение количества ультраортодоксов-харедим). Рост популярности радикального в своих установках фундаментализма обуславливает подъем религиозного экстремизма. Закономерным итогом радикализации религиозного сознания в последней четверти XX века становится возникновение международного терроризма религиозных элементов в начале XXI века (теракты 11.09.2001 в Нью-Йорке (США); 01–03.09.2004 в Беслане (Россия)).

В концептуальном аспекте сложившееся в начале XXI века общество, которое «приспосабливается к дальнейшему существованию религиозных сообществ в продолжающемся секуляризованном окружении», характеризуется понятием «постсекулярное состояние общества» [20, р. 13]. Э. Гидденс, размышляя о положении религии в современном мире, признает, что «даже если традиционные формы религии в какой-то мере сдают свои позиции, религия по-прежнему остается решающей силой в нашем социальном мире. Обращение к религии в ее традиционной или новой форме, по-видимому, будет продолжаться еще достаточно долго. ... во время быстрых перемен многие люди ищут – и находят – ответы и успокоение в религии» [4, с. 481].

Как следствие, многогранный феномен религиозного экстремизма привлекает внимание исследователей. И хотя сущностные аспекты рели-

гиозного экстремизма активно изучаются в науке и в философии (см., например: [3, с. 34–37; 8, с. 19–20; 14, с. 6–7; 18]), к настоящему времени недостаточно исследована проблема онтологической границы религиозного экстремизма.

Объект настоящей статьи – религиозный экстремизм как социально-культурный феномен, ее предмет – онтологическая граница религиозного экстремизма как социально-культурного феномена, понимаемая как двуединство его сущностных признаков и пространственно-временных границ. Для рассмотрения предмета статьи необходимо решить две исследовательские задачи: во-первых, выделить сущностные признаки религиозного экстремизма и, во-вторых, осмыслить пространственные и временные границы религиозного экстремизма.

Методологической основой статьи является неклассическая языковая семантика (Г. Фреге, Б. Рассел, А.Н. Уайтхед), различающая для любого предмета мысли три его измерения: значение (предмет, денотат), смысл (понятие, концепт) и знак (слово, символ). При рассмотрении предмета статьи это означает, что знаку (слову, символу) «религиозный экстремизм», с одной стороны, соответствует понятие (концепт, смысл) как набор существенных признаков (первая исследовательская задача) и, с другой стороны, названный знак (слово, символ) используется для номинации соответствующей онтологической реальности как значения (предмета, денотата) (вторая исследовательская задача).

Помимо обеспечения методологического единства исследования, неклассическая языковая семантика Фреге – Рассела дополняет доминирующий деятельностный подход в понимании сущностных особенностей религиозного экстремизма (см., например: [1, с. 153; 5, с. 3; 6, с. 8, 9]), порождающий избыток однотипных определений понятия «религиозный экстремизм».

Тенденция к универсализации методологии порождает иллюзию схоластического характера исследуемой проблемы, когда прогнозируемым результатом исследований становится комментирование, уточнение и систематизация известного знания о сущности религиозного экстремизма (в том числе и путем выделения аксиоматических положений) без возможности его приращения. В этой связи сложно согласиться с утверждением, что «...на самом деле существует высокая степень консенсуса между определениями, предложенными разными учеными» [18]. Одномерность используемых методологических подходов приводит к метафизическому рассмотрению религиозного экстремизма как неизменного феномена, не имеющего пространственных и временных границ. В результате не удастся сформировать понимание сущности религиозного экстремизма, адекватное современным социально-культурным реалиям.

Начнем с выделения сущностных признаков религиозного экстремизма (первая исследовательская задача). В широком контексте религиозный экстремизм неотделим от праворадикального экстремизма как родового явления. Поскольку учет только одной характеристики (например, ксенофобии) «...приводит к искаженным и ограниченным знаниям о широком и сложном явлении» [24, р. 206], в качестве особенностей праворадикального экстремизма выделяются национализм, расизм, ксенофобия, антидемократизм, сильное государство (авторитаризм) [24, р. 208–219]. В более поздних исследованиях предлагается обновленный перечень особенностей: сильное государство (авторитаризм), национализм, расизм и ксенофобия, антидемократизм, популизм и риторика против истеблишмента (см., например: [18, р. 7–11]). Сущностно важными признаются три из них: авторитаризм, антидемократизм, национализм [18, р. 16].

Религиозный экстремизм с формально-логических позиций рассматривается как вид экстремизма (см., например: [10, с. 286; 13, с. 103]), обусловленный «...рядом факультативных, отличительных свойств конкретной экстремистской идеологии» [13, с. 103]. Последняя применительно к предмету исследования носит религиозный характер. По аналогии с праворадикальным экстремизмом более продуктивным является выделение нескольких характеристик религиозного экстремизма (см., например: [12, с. 178]). Соглашаясь с результатами подобного аналитического рассмотрения, следует признать его непродуктивным в контексте стремления сформулировать родовидовое определение религиозного экстремизма, включающее и его характеристики.

Одна из наиболее удачных дефиниций предложена Э.Г. Филимоновым: религиозный экстремизм есть «...крайние действия религиозных элементов в политической жизни» [15, с. 6]. Для продолжения исследования следует разделить определение на отдельные признаки:

- религиозные элементы как субъекты (ответ на вопрос «*Кто* является субъектом религиозного экстремизма?»);
- политическая жизнь как сфера активности религиозных элементов (ответ на вопрос «*Где реализуется* деятельность субъектов религиозно-экстремистской деятельности?»);
- крайние действия как способы реализации (ответ на вопрос «*Каким способом* реализуется религиозно-экстремистская деятельность?»).

Будет обоснованным рассматривать характеристики религиозного экстремизма [12, с. 178] или некоторые особенности праворадикального экстремизма [24, р. 208–219] в качестве вышеупомянутых крайних действий. Возможность интеграции результатов названных авторов в определение, составленное на основе схемы «кто? – где? – как (каким образом)?», является косвенным аргументом в пользу включения сущностных признаков ре-

лигиозного экстремизма в родовидовое определение как более продуктивную исследовательскую стратегию.

Из-за разнообразия существующих в современном обществе моделей политической жизни ответ на вопрос «Где реализуется деятельность субъектов религиозно-экстремистской деятельности?» требует дополнительного рассмотрения.

В контексте выделенных признаков религиозного экстремизма является непродуктивным расширенное понимание сферы деятельности религиозных элементов, которая «...наиболее эффективно контролируется с помощью сочетания стратегий, которые повышают прямые издержки насилия, способствуют религиозной конкуренции, улучшают социальные услуги и поощряют частное предпринимательство» [21]. Подобная позиция непродуктивна по отношению к стабильному функционированию политической жизни.

В общем виде модель политической жизни современного общества представляет собой двуединство слагающих ее элементов и фундирующего их организацию идеологического обоснования (либеральные, социалистические, социал-демократические, коммунитаристские, иные идеологические положения или их комбинации). Каждой из моделей соответствует специфический вариант секулярного общества, их разнообразие потенциально усложняет выделение сущностных признаков религиозного экстремизма.

Однако разнообразие моделей политической жизни как значений (предметов, денотатов) возможно объединить понятием (концептом) «секулярное общество» для выделения универсальной цели активности религиозных элементов. Сформулированный в результате ответ на вопрос «Куда, против чего направлен религиозный экстремизм?» преодолевает противоречие, обусловленное разнообразием моделей политической жизни современного общества. В целом на основании проведенного анализа содержанием концепта «религиозный экстремизм» выступают *крайние действия религиозных элементов в политической жизни общества, нацеленные против структурных элементов и идеологии секулярного общества*. Это определение расширяет дефиницию Э.Г. Филимонова и является сбалансированным по показателям краткости и содержательности.

В предложенном определении наиболее важным является признак учета политической жизни как сферы проявления деятельности религиозных элементов, являющихся субъектами религиозно-экстремистской деятельности. Отсутствие четкого акцентирования этого признака порождает неточности в определениях понятия «религиозный экстремизм» (см., например: [9, с. 10]).

Кроме того, слово «политический» как имплицитно заложенное в содержании понятия (концепта) «религиозный экстремизм» непродуктивно

использовать в качестве элемента слова (знака) «религиозно-политический экстремизм» (см., например: [7, 12, 16]). Вместе с тем критика неточной номинации религиозного экстремизма как значения (предмета, денотата) не отменяет ценности полученных авторами результатов. В этой связи следует принять в качестве аксиомы необходимость использования термина «экстремизм» для обозначения крайних действий только в политической сфере. В иных сферах общественной жизни для описания крайностей более точным является понятие «экстремальный», а иногда и более просторечный вариант – «экстрим».

Для целостного рассмотрения исследовательской задачи необходимо разграничить содержание концепта «религиозный экстремизм» и смежных концептов (сост. автором по [3, с. 32]).

1. Нарушение национального законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях, поскольку его мотивы не обязательно носят экстремистский характер (например, незнание закона или его добросовестно неверное толкование).

2. Религиозный фанатизм, который может замыкаться исключительно в религиозной жизни и не затрагивать политическую сферу. Принципиальным моментом для понимания сущности религиозного экстремизма является наличие связки «крайние действия – политика»: вопреки мнению об экстремистском характере экстремальных форм религиозной активности (см., например: [9, с. 10]) даже самые крайние самоограничения как средство исключительно религиозно-этического самосовершенствования не являются религиозным экстремизмом.

3. Религиозное сектантство (см. также [21]), представители которого могут быть убеждены в исключительности собственной веры и замыкаться от мира внутри религиозной общины, но без участия в антиобщественной деятельности политического характера.

4. Национализм, который хотя и способен использовать крайние меры в политической сфере, но не обязательно сопряжен с религией в форме этнорелигиозного экстремизма [11].

Некритическое отнесение деятельности нарушителей религиозного законодательства, религиозных фанатиков и сектантов, а также националистов к религиозному экстремизму как значению (предмету) мысли является необоснованным. Вместе с тем окончательный вывод о сближении или полном отождествлении религиозного экстремизма как предмета мысли с нарушениями национального законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях, религиозным фанатизмом, религиозным сектантством и национализмом обязательно должен носить индивидуализированный характер.

Выделенные для каждого из четырех смыслов (понятий, концептов) ограничения, а также вышепредложенное определение понятия (концеп-

та) «религиозный экстремизм» соответствуют современному обществу, которое является постиндустриальным в социально-экономическом аспекте и постмодернистским в культурном.

Однако полноценное исследование проблемы онтологической границы религиозного экстремизма требует осмысления пространственных и временных границ религиозного экстремизма (вторая исследовательская задача).

Начнем с рассмотрения вопроса о пространственных границах. Религиозный экстремизм существует в двух разновидностях постиндустриальных обществ. Во-первых, в эволюционно сложившихся, с исторически сформированными высокоэффективными сельским хозяйством и промышленностью (США, Германия, Япония, Нидерланды). И, во-вторых, в обществах, реформированных ради интеграции в сообщества высокоразвитых государств (например, страны Южной Европы – за счет отказа от дальнейшего сельскохозяйственного и/или промышленного развития; прибалтийские республики – за счет целенаправленного и быстрого частичного демонтажа результатов развития, достигнутых во времена СССР). Таким образом, суждение о связи религиозного экстремизма с современными постиндустриальными обществами является обоснованным.

Но суждение о применимости представлений о религиозном экстремизме для традиционных обществ типа Омана или Афганистана нуждается в отдельном обосновании. При поверхностном рассмотрении вопроса может сложиться мнение, что представления о религиозном экстремизме менее применимы по отношению к традиционным обществам, в которых авторитет религии достаточно высок. Однако подобное мнение резко контрастирует с типичностью религиозного экстремизма и для данной группы стран.

Приведенный факт полностью объясняется с позиций социальной синергетики и мир-системного анализа (И. Валлерстайн): вышележащие иерархические уровни глобальной мир-системы задают управляющие параметры для ее нижележащих уровней. Более того, это обстоятельство – наряду с фактом экономической эксплуатации «первым миром» стран «третьего мира» и отчасти «второго мира» – является важным стимулом возникновения и дальнейшего существования религиозного экстремизма в последних двух группах стран.

Таким образом, в пространственном отношении религиозный экстремизм в современном мире является универсальным феноменом. Но универсален ли он в историческом времени? Некоторые зарубежные исследователи убеждены во вневременном характере существования религиозного экстремизма, в его «вечности» в истории. По мнению Х.-М. Энценбер-

гера, экстремизм соответствует схеме «древних и сумрачных отношений между убийством и политикой» [19, р. 18]. Ему вторит и В. Лакёр: «Терроризм всегда включает в себя насилие или угрозу такового» [23, р. 143–145]. Как следствие, В. Лакёр относит к религиозному экстремизму деятельность палестинской секты сикариев [22, р. 18].

Если переводить анализ в религиозоведческую плоскость, обоснованным будет утверждение, что объективной основой формирования религиозного экстремизма в истории человечества является возникновение национальных религий, для которых характерны признаки развитой религии (развитое религиозное сознание и дифференцированный культ, реализуемый профессиональными жрецами). С учетом данного комплекса особенностей возникновение религиозного экстремизма на этапе родоплеменных религий невозможно в принципе.

Поэтому исходной точкой для возможного возникновения религиозного экстремизма является формирование национальных религий в государствах соответствующего типа (исторический подход). Хотя следует сделать важное уточнение: принципиальная возможность не означает ее автоматическую реализацию по факту возникновения конкретной национальной религии. Предложенное понимание вопроса о времени возникновения религиозного экстремизма подтверждает отнесение к нему деятельности секты еврейских сикариев в Палестине I века н. э. или шиитской секты ассасинов (ассошафинов) на Ближнем Востоке XI–XIII веков.

Продолжение исследования вопроса о временных границах религиозного экстремизма требует констатации еще одного факта, менее очевидного: культурно-историческим контекстом деятельности вышеназванных религиозных элементов является религиозное, а не секулярное общество. Малочисленность сикариев и ассасинов (ассошафинов), аналогичная в случае современных религиозно-экстремистских сообществ, но при объективной невозможности реализации антисекулярного вектора их деятельности (четвертый признак религиозного экстремизма), не позволяет рассматривать их деятельность как религиозный экстремизм. По этой же причине военно-политическая деятельность пророка Мухаммеда в Аравии VII века традиционно рассматривается как борьба за утверждение и распространение веры, а ее повторение в современных секулярных обществах, как правило, относится к проявлениям религиозного экстремизма или терроризма религиозных элементов.

Для окончательного решения вопроса о временных границах религиозного экстремизма как составной части проблемы его онтологических границ следует обратиться к истории секулярного общества. Поскольку оно интенсивно формируется, выстраивается на экономическом базисе индустриального общества со второй половины XIX века, то именно этот

период следует рассматривать в качестве временной границы возникновения религиозного экстремизма.

Методологическое требование полноты анализа вопроса об онтологических границах религиозного экстремизма требует выделения факторов формирования религиозного экстремизма в индустриальном обществе со второй половины XIX века. К ним следует отнести следующие четыре фактора:

– секуляризация общественного сознания: религия теряет статус основополагающей отрасли культуры (например, радикальное представление о «смерти Бога» Ф. Ницше или модернистское, неортодоксальное в своей сущностной основе «богоискательство» в русской религиозной философии);

– десакрализация власти: власть в демократических государствах теряет статус священной, а религиозными экстремистами признается «безбожной»;

– инверсия насилия: появление компактного и эффективного оружия (бомба и многозарядный пистолет), позволяющего преодолеть монополию власти на насилие;

– ограниченная поддержка: субъектами религиозного экстремизма становятся отдельные «ревнители веры» или их малые группы («религиозно-инситуативные группы» [2]), чьи ценности и устремления резко контрастируют с нарастанием в индустриальном обществе религиозного скептицизма, индифферентизма, нигилизма или атеизма.

На основании полученных результатов будет обоснованным утверждать, что для номинации деятельности сикариев, ассасинов (ассошафинов) и иных религиозных групп в доиндустриальном обществе более корректно использовать термин «крайние действия религиозных элементов в политической жизни», подразумевая или прямо включая в знак (слово) указание на религиозный характер общества. В соответствии с предложенным в статье определением религиозного экстремизма знак (слово) «крайние действия религиозных элементов в политической жизни» уже не соответствует религиозному экстремизму как значению (предмету, денотату). В результате два явления разграничены не только терминологически, но и сущностно.

Для завершения исследования проблемы онтологической границы религиозного экстремизма как социально-культурного феномена следует осознать его целевые установки: крайними действиями религиозных элементов в политической сфере демонтировать структурные элементы и идеологические основы секулярного общества, которые сложились исторически на экономическом базисе индустриального общества. При этом будет правомерным предполагать, что «...признание своей религии веду-

щей и подавление других религиозных конфессий с помощью принуждения к своему вероучению» [17, с. 90] как главная цель религиозного экстремизма отступает на второй план перед стремлением к реализации сценария десекуляризации.

Стремление к демонтажу секулярного общества объективно возникает в результате конфликта между стремлением религиозно-инситуативных групп к фундаменталистски понимаемому «религиозному ренессансу» и функционированием развитого секулярного общества, которое самим фактом своего существования противоречит программе религиозных экстремистов. В результате мотивация подавления иных религиозных конфессий со стороны религиозных экстремистов носит вторичный характер и в значительной степени обусловлена отнесением их деятельности к секулярному обществу, а также рассмотрением представителей данных конфессий как отступников от «подлинной» веры.

Как закономерное следствие разворачивания конфликта между религиозно-инситуативными группами, с одной стороны, и структурными элементами и идеологией секулярного общества – с другой, религиозные экстремисты в качестве собственного социально-политического идеала рассматривают исключительно антисекулярные модели организации общественной жизни:

- религиозное государство, в котором светское законодательство будет заменено обязательными для всех религиозными нормами;
- теократическое государство, в котором не только право будет религиозным, но и вся государственная власть будет принадлежать религиозным иерархам и духовным авторитетам.

Также следует признать заблуждением отождествление религиозного экстремизма с конкретной религией, которая известна своими действиями в мире или в конкретном регионе планеты. Объективный анализ показывает, что религиозный экстремизм встречается во всех религиях по причине универсального характера возможности экстремистского прочтения вероучения и культа. Но вместе с тем утверждение о неизбежности «экстремистского перерождения» конкретной религии в современном обществе является методологически и праксеологически некорректным даже при наличии подобных фактов в ее историческом прошлом. Например, накшбандийский тарикат в суфизме во время Кавказской войны 1817–1864 гг. трансформировался в мюридизм как содержащую экстремистские признаки идеологию военно-политического противостояния Российской империи. Но его последователи в ходе российско-чеченского конфликта 1991–2017 гг. выступили за мир и сотрудничество с Россией.

Подведем итоги. На основе неклассической языковой семантики Фреге – Рассела предложена авторская интерпретация сущностных признаков религиозного экстремизма по схеме «субъекты – сфера активности – способы реализации – цель активности» (или: кто? – где? – как? – куда?). В качестве содержания концепта «религиозный экстремизм» выступают крайние действия религиозных элементов в политической жизни общества, нацеленные против структурных элементов и идеологии секулярного общества. Предложенное понимание смысла концепта «религиозный экстремизм» в основном соответствует представлениям деятельностного подхода. Однако обоснование и включение в концепт «религиозный экстремизм» нового относительно определения Э.Г. Филимонова признака «цель активности» (ответ на вопрос «куда?») позволяет уйти от типичного для сторонников деятельностного подхода схоластического характера анализа с предсказуемым результатом.

В пространственном отношении религиозный экстремизм типичен как для постиндустриальных, так и для традиционных обществ второй половины XX – начала XXI века. В статье предложено два аргумента против существующего в литературе представления о вневременном характере религиозного экстремизма в истории человечества (Н.-М. Enzensberger, W. Laqueur). Историко-религиозный контраргумент связан с признанием факта возникновения развитых религий, на базе которых возможны экстремистские интерпретации, в национальных или народностно-национальных государствах Древнего мира (например, шумеро-аккадские города-государства или Древний Египет). Целевой контраргумент исходит из необходимости наличия развитого секулярного общества как главного антагониста, обеспечивающего возникновение и устойчивое существование религиозного экстремизма.

Секулярное общество формируется на экономическом базисе индустриального общества со второй половины XIX века. В статье выделено четыре фактора формирования и поддержания религиозного экстремизма, актуальные начиная с данного периода исторического времени: секуляризация общественного сознания, десакрализация власти, инверсия насилия, ограниченная поддержка.

В целом в статье осуществлена результативная попытка преодоления метафизического рассмотрения религиозного экстремизма как неизменного феномена, не имеющего пространственных и временных границ. И хотя полученный результат сохраняет связь с деятельностным подходом в понимании сущностных характеристик религиозного экстремизма, использование неклассической языковой семантики Фреге – Рассела позволило углубить понимание проблемы онтологических границ религиозного экстремизма как социально-культурного феномена.

Литература

1. *Абдулганеев Р.Р.* Религиозный экстремизм: подходы к пониманию // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2010. – № 2. – С. 151–154.
2. *Арестов В.Н.* Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06 / Ин-т Академии наук УССР. – Киев, 1984. – 188 с.
3. *Арестов В.Н.* Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления: монография. – Киев: Вища школа, 1987. – 150 с.
4. *Гидденс Э.* Социология: пер. с англ. / при участии К. Бердсола. – Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
5. *Забарчук Е.А.* Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. – 2008. – № 6 (138). – С. 3–10.
6. *Муминов А.П.* Религиозный экстремизм в контексте социальных изменений: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Институт философии, политологии и права им. А. Баховадинова Академии наук Республики Таджикистан. – Душанбе, 2017. – 35 с.
7. *Нуруллаев А.А., Нуруллаев А.А.* Религиозно-политический экстремизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2003. – № 4. – С. 83–92.
8. *Пролетенкова С.Е.* Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / ВНИИ МВД России. – М., 2013. – 60 с.
9. *Резникова А.В.* Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма (роль «исламского» фактора в Северокавказском регионе): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 24.00.01 / Ростовский государственный педагогический университет. – Ростов н/Д., 2005. – 22 с.
10. *Рубан А.А.* Религиозный экстремизм: понятие, основные характеристики // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 28. – С. 286–291.
11. *Русанова О.А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе: на примере Северокавказского региона: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 24 с.
12. *Рязанов Д.С.* Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 7. – С. 177–184.
13. *Сергун Е.П.* Соотношение понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма» // Правовая культура. – 2013. – № 1 (14). – С. 99–105.
14. *Скворцова Т.А.* Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 23.00.02 / Ростовский юридический институт МВД России. – Ростов н/Д., 2004. – 24 с.

15. Филимонов Э.Г. Социальная и идеологическая сущность религиозного экстремизма. – М.: Знание, 1983. – 64 с.
16. Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в современной России (сущность, специфика проявления, профилактика) // Исламоведение. – 2011. – № 1 (7). – С. 57–72.
17. Щеглов А.В., Горохова В.В. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: курс лекций. – М.: Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя. – 2017. – 145 с.
18. Carter E. Right-wing extremism/radicalism: reconstructing the concept // Journal of Political Ideologies. – 2018. – N 23 (2). – P. 1–26. – DOI: 10.1080/13569317.2018.1451227.
19. Enzensberger H.-M. Politics and crime. – New York: Seabury press, 1969. – 142 p.
20. Habermas J. Glauben und Wissen. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. – 57 s. – Friedenspreis des deutschen Buchhandels 2001.
21. Iannaccone L.R., Berman E. Religious extremism: The good, the bad, and the deadly // Public Choice. – 2006. – N 128. – P. 109–129. – DOI: 10.1007/s11127-006-9047-7.
22. Laqueur W. Terrorism. – London: Abacus, 1980. – 336 p.
23. Laqueur W. The Age of Terrorism. – Boston: Little, Brown and Co., 1987. – 385 p.
24. Mudde C. Right-wing extremism analyzed: a comparative analysis of the ideologies of three alleged right-wing extremist parties (NPD, NDP, CP'86) // European Journal of Political Research. – 1995. – N 27 (2). – P. 203–224.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021.

Статья прошла рецензирование 14.12.2021.

RELIGIOUS EXTREMISM AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON: THE PROBLEM OF THE ONTOLOGICAL BOUNDARY

Dolin, Vyacheslav,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Sciences

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia,

71 Gorkij Street, Belgorod, 308024, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7106-0623

v.a.dolin@mail.ru

Abstract

The subject of the article is the problem of the ontological boundary of religious extremism as a socio-cultural phenomenon. The methodological basis of the research is the non-classical linguistic semantics of Frege – Russell. Within its framework, meaning, concept and sign are distinguished for the subject of thought. This methodology complements the predominance of the activity approach in the research of religious extremism. Such methodological unilateralism creates the illusion of the scholastic nature of the investigated problem, when the scientific result is expected to comment, clarify and systematize the known knowledge about religious extremism. As a result, religious extremism is considered metaphysically as an unchanging phenomenon that has no spatial and temporal boundaries. This research was conducted in two stages. The first one highlights the essential signs of religious extremism. The traditional triad of signs “subjects, sphere of activity, implementation methods” is supplemented by the fourth: “the purpose of activity”. Based on the analysis, religious extremism is defined as extreme actions of religious elements in the political life of society, aimed against the structural elements and ideology of secular society. The article rejects the provisions on uncritical identification with religious extremism of the following social phenomena: violation of national legislation on freedom of conscience and religious associations; religious fanaticism; religious sectarianism; nationalism. At the second stage of the research, the spatial and temporal boundaries of religious extremism are comprehended. Spatially religious extremism is typical for both post-industrial and traditional societies of the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. The article puts forward historical-religious arguments and an argument against the thesis of the timeless nature of the existence of religious extremism. Based on the formation of a secular society on the economic basis of an industrial society since the second half of the XIX century, four factors of the emergence of religious extremism have been identified: secularization of public consciousness; desacralization of power; inversion of violence; limited support. As a result of the conducted research, the metaphysical consideration of religious extremism as an unchangeable phenomenon has been overcome and its conceptual understanding has been deepened.

Keywords: religious extremism, ontological boundary, ‘religious renaissance’, ‘post-secular state of society’, desecularization, non-classical linguistic semantics, meaning, concept, sign.

Bibliographic description for citation:

Dolin V. Religious Extremism as a Socio-Cultural Phenomenon: The Problem of the Ontological Boundary. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 2, pp. 395–410. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-395-410.

References

1. Abdulganeev R.R. Religiozniy ekstremizm: podkhody k ponimaniyu [Religious extremism: approaches to understanding]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2010, no. 2, pp. 151–154.
2. Arestov V.N. *Religiozniy ekstremizm: sodержanie, prichiny i formy proyavleniya, puti preodoleniya*. Diss. kand. filos. nauk [Religious extremism: content, causes and forms of manifestation, ways of overcoming. PhD Diss. in Philosophy]. Kiev, 1984. 188 p.
3. Arestov V.N. *Religiozniy ekstremizm: sodержanie, prichiny i formy proyavleniya, puti preodoleniya* [Religious extremism: content, causes and forms of manifestation, ways of overcoming]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1987. 151 p.
4. Giddens A. *Sociology*. 4th ed. Cambridge, Polity Press, 2001. 750 p. (Russ. ed.: Giddens E. *Sotsiologiya*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2005. 632 p.).
5. Zabarchuk E.L. Religiozniy ekstremizm kak odna iz ugroz bezopasnosti rossiiskoi gosudarstvennosti [Religious extremism as one of the threats to the security of the Russian Statehood]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 6 (138), pp. 3–10.
6. Muminov A.I. *Religiozniy ekstremizm v kontekste sotsial'nykh izmenenii*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [Religious extremism in the context of social change. Author's abstract of PhD in Philosophy]. Dushanbe, 2017. 35 p.
7. Nurullaev A.A., Nurullaev A.A. Religiozno-politicheskiy ekstremizm [The religious and political extremism]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*, 2003, no. 4, pp. 83–92.
8. Proletenkova S.E. *Administrativno-pravovoe regulirovanie protivodeistviya religioznomu ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii*. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Administrative and legal regulation of countering Religious Extremism in the Russian Federation. Author's abstract Doctoral thesis in Law]. Moscow, 2013. 60 p.
9. Reznikova A.V. *Strukturnye i dinamicheskie kharakteristiki sovremennogo religioznogo ekstremizma (rol' «islamskogo» faktora v Severokavkazskom regione)*. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk [Structural and dynamic characteristics of modern religious extremism (the role of the “Islamic” factor in the North Caucasus region). Author's abstract of PhD Diss. in Sociology]. Rostov-on-Don, 2005. 22 p.
10. Ruban L.A. Religiozniy ekstremizm: ponyatie, osnovnye kharakteristiki [Religious extremism: concept, main characteristics]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovation. Science. Education*, 2021, no. 28, pp. 286–291.

11. Rusanova O.A. *Etnoreligiozni ekstremizm kak sotsial'noe yavlenie v rossiiskom obshchestve: na primere Severokavkazskogo regiona*. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk [Ethno-Religious Extremism as a Social phenomenon in Russian Society: on the example of the North Caucasus region. Author's abstract of PhD Diss. in Sociology]. Moscow, 2004. 24 p.
12. Ryazanov D.S. Religiozni ekstremizm, religiozno-politicheskiy ekstremizm i religiozni fundamentalizm: obshchee, osobennoe, edinichnoe [Religious extremism, religious political extremism and religious fundamentalism: general, particular, individual]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2014, vol. 7, pp. 177–184.
13. Sergun E.P. Sootnoshenie ponyatii «vid ekstremizma» i «forma ekstremizma» [Ratio between the notion of type of extremism and that of form of extremism]. *Pravovaya kul'tura = The Legal Culture*, 2013, no. 1 (14), pp. 99–105.
14. Skvortsova T.A. *Religiozni ekstremizm v kontekste gosudarstvenno-pravovogo obespecheniya natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii*. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk [Religious Extremism in the context of state-legal provision of National Security in Modern Russia. Author's abstract of PhD Diss. in Sociology]. Rostov-on-Don, 2004. 24 p.
15. Filimonov E.G. *Sotsial'naya i ideologicheskaya sushchnost' religioznogo ekstremizma* [The social and ideological essence of religious extremism]. Moscow, Znanie Publ., 1983. 64 p.
16. Khanbabaev K.M. Religiozno-politicheskiy ekstremizm i terrorizm v sovremennoi Rossii (sushchnost', spetsifika proyavleniya, profilaktika) [Religious and political extremism and terrorism in modern Russia (essence, specifics of manifestation, prevention)]. *Islamovedenie = Islamic Studies*, 2011, no. 1 (7), pp. 57–72.
17. Shcheglov A.V., Gorokhova V.V. *Religiovedenie i osnovy protivodeistviya religioznomu ekstremizmu* [Religious studies and the basics of countering religious extremism]. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2017. 145 p.
18. Carter E. Right-wing extremism/radicalism: reconstructing the concept. *Journal of Political Ideologies*, 2018, no. 23 (2), pp. 1–26. DOI: 10.1080/13569317.2018.1451227.
19. Enzensberger H.-M. *Politics and crime*. New York, Seabury press, 1969. 142 p.
20. Habermas J. *Glauben und Wissen*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2001. 57 s.
21. Iannaccone L.R., Berman E. Religious extremism: The good, the bad, and the deadly. *Public Choice*, 2006, no. 128, pp. 109–129. DOI: 10.1007/s11127-006-9047-7.
22. Laqueur W. *Terrorism*. London, Abacus, 1980. 336 p.
23. Laqueur W. *The Age of Terrorism*. Boston, Little, Brown and Co., 1987. 385 p.
24. Mudde C. Right-wing extremism analyzed: a comparative analysis of the ideologies of three alleged right-wing extremist parties (NPD, NDP, CP'86). *European Journal of Political Research*, 1995, no. 27 (2), pp. 203–224.

The article was received on 25.10.2021.

The article was reviewed on 14.12.2021.